

Красивые песни пели наши матери!

Послевоенная лихая година... лепешки клеверные, надеть на себя - трюнь да лепень домотканый, бригадир чуть свет гвоздит в переплет рамы, кажется, надо окантеть сердцем, чтобы тянуть упряжку затюканной рабыни, ан нет!

За рекою у колодца,

Где студена вода...

До сих пор вижу лица женщин нашей деревни, до сих пор стоит в памяти жаркий августовский полдень, звучит песня, стрекочет жнейка, машинист грозит нам кнутом... Спешат певуны, раздумались. Одна ставит сноп, причесанный да обласканный, другая - и того убористее, ставят снопы как женихов убирают, старшая расправляет шапку-борушку - неси службу дозорную, богатырь-суслон!

Бывает, заглянешь к мужику в избу. Среди бела дня в табачном дыму раскинул на диване телеса гладкий собой кормилец, пятлит мутные очи в телевизор. Не может понять, родимый: о нем, простом

трудолюбивом, пекутся в Москве думцы или хапают себе дачи. На кровати крихтит и ворочается жена - мадама что вдоль, что поперек, злость разрывает ее на части: там, в далекой Мексике, несчастная мать ищет дикую Розу, а этот алкаш, этот обмолоток сонной... ирод, выронил глаза на каких-то придурков. На кухне столовается бабушка, золотая ручка. Пенсия у нее с угором, да какая радость от денег, если бумажки и в руках поддержать не дадут? Потом, пенсию соответствующие органы могли бы положить и побольше, чай, двадцать годков с почтальной сумкой выбегала да десять в няньках кимарила. Вон соседка, ехидна, в амбаре мышей гоняла да с бригадиром по сусекам пряталась, а выше ее лопатит.

Но найдает мать Розу, очухается муж, бабка забудет про соседку и запоет семью песню, несладкодуху-неладуху.

Я гляжу из-за протенка, Никому я не должна...

И даже в наше отверженное Богом время не перевелись охочие поддержать за бахрому скатерти на столе власти или хоть потоптаться около стола с телефоном. Интересно: все устали от самих себя и от знакомых, кругом мафия, мздоимство, спекуляция, политика... Черт бы унес всех политиканов! И ведь находятся отважные воители, выходит, еще летают буревестники и спешат к людям сгорающие от любви юноши.

На должность деревенского старосты претендовало два кандидата: закодированный от алкоголя по методу врача Мурлыкина-Кикиркина Иван Авдеевич (из бывшего начальства) и завфермой Галина Викторвна (из рядовых). Каждый из кандидатов насмотрелся по телевизору, как должна вестись цивилизованная борьба за власть, потому который не допускал оскорбительных выпадов в адрес другого претендента, особенно в вопросе "все ли дома?" Иван Авдеевич не сомневался, что объегорит бабу, с трудом связывающую несколько слов. Он изучил всю литературу касательно института деревенских голованов от времен самого Рюрика - козырьный туз сам просился в руку. Галина Викторвна имела крепкий тыл: сноха закорилась в конторе и поднимать

паруса не собиралась, зять при случае норовил вцепиться в чужую бороду, свояченица кипятила шприцы на медпункте, потом зря Ванька не принимает во внимание язык Галины Викторвны, а он - рашпиле. Кого надо обреет до задницы, кого надо умаслит не хуже японской гейши, и куда Авдеевичу с дипломами до нее: ему в акушерский срок не домыслить того, что она в один час набуторит.

Итак, компас показывал канитель. Деревня смотрела на выборы как на щекотку: и приятно, и лихо. Дважды женщина из волостной администрации обходила дома, приглашая народ на сходку, но всяк думал, что решат без него. Кто-то запустил сову в избирательные кросна: старосте триста тыщ зарплат! Сова покрутилась по задворкам и села на огород к Ивану Авдеевичу. "Да что вы, мать твою на ко-

Выбрав момент, когда Иван Авдеевич ушел на охоту, а жена с ребятами подалась к сестре в другую деревню, Галина Викторвна незамеченной прошмыгнула в дом. Уселась на кровати, поговорила о том о сем с бабкой, наемкнула, что шаманит не хуже самого Кашпировского, который убирал мозоли и вправлял мозги на расстоянии. Внимательно осматрив рот старухи, пощупав облысевший череп, продув нос и уши, авторитетно сказала:

- Бес в тебя, тетушка, вселился.

- Ой, царица, небесная! - ужаснулась старуха. - Отродясь с чертями не водилась. Уж ты пособи, молодичка, коль дока в этом ремесле.

- Пособить-то не хитро... Баба я темная, институтов не кончала, а живу тем, чем Бог наградил.

- Деньги надо, мать моя!..

- Что ты, какие деньги! Решето у вас есть?.. Выбросили, значит... Ну хоть зобня какая-нибудь?

Отыскалась большая корзина, с коей Иван Авдеевич бегаёт за волнухами. Уселась бабка на кровати, со страхом наблюдает за врачевательницей. Диво ей: ну-ко Галинка с нечестивкой знается, а еще коммунисткой была.

- Сосредоточься... смотри в корзину... бери за края зубами.

- Да какие зубы, мне их кобыла вынесла пред Троицей...

- Ну губами бери, губами. Крепче. Глаза зажмурь и молитву читай.

- А какую? Молитв я много помню, раньше в церкви не ворон повили...

Хлопнула Галина Викторвна по корзине наотмашку, охнула бабка, корзина упала на пол. И завывала исцеленная молитва на высокой неладорванной ноте. Смотрит Галина Викторвна: отвисла у старухи челюсть. Давай ее вправлять, да не тут-то было. Заметалась от окна к окну - пуста улица. Трухнула несостоявшаяся знаменитость и дала деру до родных стен. Пришлось бабку везти в больницу.

Иван Авдеевич накатал жалобу, обвинив Галину Викторвну в намеренном членовредительстве, магнетизме, шарлатанстве и пр. В знак протеста снял свою кандидатуру. Лучше бы он выматерил Галину Викторвну самими грязными матюками, чем обвинил в неслыханной городской подлости: она тоже отказалась от борьбы за власть.

В третий раз прилепелась женщина из волостной администрации. Собралось несколько старушек в магазине, посмеялись над проделками Галины Викторвны.

- А выдвинем, бабы, Серегу, - предложила та, что в молодости комиссарила с бригадиром в амбарах. - Рожа - во! Приберет к рукам пянчужек.

- Старосту выбираем, не урядника, пугало ты огородное, - опротестовала бывшая почтальонка. - Ондрушку надо, человек ученый. Вон как тебя в газете прокатил, будто и впрямь по три гектара в день на быке пахала.

- Пахала, пахала, не с сумкой шальнопоупой шныряла!

Нет пророков в своем отечестве: не пригласить ли нам в старосты деревни какого-нибудь каторжанина араба? Может, научит нас песни тамошние петь?

Тарногский район.

Станислав МИШНЕВ

ПЕСНИ

ляску, - крикнул он утром у водоразборной колонки, - какие деньги?! Мы же к самоуправлению идем!" Может быть, Иван Авдеевич и шел к самоуправлению, но остальные так не думали. "Кхе-хе-хе, - почесал затылок "господин", - а дымком потягивает". "Стравить бы этих кандидатов, во смеху!", - нехорошо подумал "товарищ". "А мне до фени - дали бы выпить", - размышлялся "каналья". Иван Авдеевич стоял на платформе судебной экспертизы по каждому факту сплетен: искоренить подозрительность, каленым железом выжечь слухи, нервозность, пьяные гонки на тракторах. Он жаждал сплочения масс на принципях дооктябрьских общинных отношений. Галина Викторвна была не против, но оговаривалась, что ни к чему Великую Октябрьскую социалистическую революцию замешивать в одной квашне с худыми дорогами и поджимающим голову кулачеством. У некоторой части населения стали проявляться симптомы неизвестной болезни: бегающие за кожей мурашки, тряска поджилков, по ночам кошмарные выкрики типа: "Не отдам трактор! Во тебе налог с моей косилки!" Да-а, это был неспыханный дебют! Впервые нам доверили самим избрать властелина своих утроб!

Деревня раскололась: одни стояли за сталинскую твердость взглядов Ивана Авдеевича, другим симпатизировал пролетарский архангел Галины Викторвны, третьи хотели голосовать в домашнем туалете.

У Ивана Авдеевича занямогла мать. Он мигмом вытребовал тягло - нашелся в ТОО "Огарыш" бензин по такому случаю.

- Ох-ти мне, Ванюшенька, - запримчала старуха. - Не тряси ты моих костей, дай умереть под родной лампадкой.

Иван Авдеевич подумал и согласился. Матери шел девяносто третий год, ее ровесники давно лежали на погосте. Бабку нашприцевали гуманитарными заморскими снадобьями, она и уснула, выставив из одеял сухонькое личико.

На веку Галина Викторвна слышала звон, будто кто-то вылечил кого-то от заиканья, напугав того до смерти. Ее осенила идея: а что если поставить бабку на ноги? Да эта гиря опрокинет Ванькину начинанность в тартарары!